

1.1. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ*

Рарог Алексей Иванович, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Должность: заведующий кафедрой. Место работы: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Подразделение: кафедра уголовного права.

Аннотация: По мнению автора, термин «правовая позиция» применим к деятельности и законодателя, и Конституционного Суда Российской Федерации, и Верховного Суда Российской Федерации. Опираясь на различные определения понятия правовой позиции автор формулирует собственное. Уголовно-правовая позиция законодателя означает единообразное и незыблемое понимание фундаментальных основ уголовного права. Уголовно-правовые позиции Конституционного Суда РФ отражают конституционно-правовой смысл норм и институтов уголовного законодательства. А уголовно-правовые позиции Верховного Суда РФ – это сформулированное в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ толкование положений уголовного закона, призванное обеспечить правильное и единообразное их применении всеми судами страны. В статье приводятся примеры отступления от первоначальных правовых позиций законодателя, и высказывается предостережение о возможности негативного влияния подобных отступлений на единообразие судебной практики и на соблюдение режима законности.

Ключевые слова: правовая позиция, уголовно-правовые позиции, стабильность и незыблемость, отступление от уголовно-правовых позиций, негативное влияние на практику применения уголовного закона.

CRIMINAL LAW POSITIONS OF RUSSIAN LEGISLATOR

Rarog Alexei Ivanovich, Dr of Law, professor, honored Scientist of Russian Federation. Position: Head of chair. Place of employment: Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA). Department: Criminal law chair.

Annotation: According to the author, the term "legal position" is applicable to the activities of the legislator and the constitutional Court of the Russian Federation, and the Supreme Court of the Russian Federation. Based on various definitions of the concept of the legal position, the author formulates his own. The criminal law position of the legislator means uniform and unshakable understanding of fundamental principles of criminal law. Criminal legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation reflect the constitutional and legal meaning of the norms and institutions of the criminal law. And criminal legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation is formulated in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court's interpretation of the provisions of the criminal law is designed to ensure correct and uniform their application by all courts of the country. The article provides examples of deviations from the original legal position of the legislator, and expressed caution about the possibility of the negative impact of such deviations on the uniformity of judicial practice and adherence to the rule of law.

* Статья была подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках проектной части государственного задания на выполнение НИР по проекту 1503.

Keywords: legal position, judicial position, stability and firmness, a departure from the criminal legal positions, the negative impact on the practice of criminal law.

Термином «правовая позиция» в отечественной юридической науке принято оперировать главным образом в связи с деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации и деятельностью Европейского Суда по правам человека[†]. Правовая позиция Конституционного Суда РФ означает его понимание конституционно-правового смысла нормативно-правовых положений, подлежащих оценке с точки зрения соответствия Конституции Российской Федерации. Это понимание, аргументированное в мотивировочной части постановления и сформулированное в его резолютивной части, в соответствии с Федеральным Конституционным Законом № ФКЗ-1 является общеобязательным, окончательными, неоспоримым, непосредственно действующим, а постановления Конституционного Суда РФ вступают в силу немедленно после провозглашения.

К перечисленным свойствам правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации необходимо добавить не отраженное в законе свойство стабильности. Поскольку предназначение этого органа состоит в оценке правовых явлений с точки зрения их соответствия (или несоответствия) Конституции Российской Федерации, постольку эта оценка, выражающая правовую позицию высшего органа конституционного контроля, не может в дальнейшем изменяться, если не изменились положения Конституции Российской Федерации, положенные в основу правовой позиции Конституционного Суда РФ. В противном случае это была бы не правовая позиция, а оперативная реакция на очередной запрос, возможно, даже политизированная.

Последовательность, определенность и неизменность правовых позиций должны быть присущи деятельности не только Конституционного Суда Российской Федерации, но и законодателя, поэтому представляется уместной постановка вопроса о его правовых позициях.

Стабильность законодательства – это основа нормального функционирования цивилизованного общества. Конечно, развитие и усложнение общественных отношений зачастую требуют правового регулирования, и тогда правотворческое вмешательство является полезным и необходимым. Однако реагирование законодателя на любое социальное явление, стремление правовыми средствами решить все социальные проблемы нарушает целостность правовой системы и способно причинить ей немалый вред, свидетельствуя о неустойчивости правовых позиций законодателя.

Уголовно-правовые позиции законодателя в понимании основных категорий и институтов уголовного права должны быть незыблемыми. Между тем, законодательская практика знает примеры отступления законодателя от исторически сложившегося понимания фундаментальных начал уголовного права. Таким примером

[†] Этот термин употребляется лишь в статье 29 Федерального Конституционного Закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 14.12.2015) «О Конституционном Суде Российской Федерации». Ранее он использовался и в статье 73, которая утратила силу в связи с принятием закона от 03.11.2010 N 7-ФКЗ. Однако он все шире используется в научных публикациях для обозначения принципиальных точек зрения законодателя и правоприменителя по наиболее важным правовым проблемам.

может служить неосновательное вторжение в институт соучастия.

И в дореволюционном, и в советском уголовном законодательстве не дифференцировалось наказание соучастников в зависимости от роли, выполняемой ими при совершении преступного деяния. Однако в теории уголовного права отмечалось, что выполняемая пособником роль является второстепенной, вспомогательной по отношению к исполнителю. Так, известный ученый XIX века А.Ф. Бернер писал: «Главный (физический или непосредственный) виновник совершает преступление. Пособник не совершает его даже и отчасти, но только облегчает совершение физическому виновнику или советом (интеллектуальный пособник), или делом (физический пособник)» [2, с. 511]. Видный советский профессор М.Д. Шаргородский исходил из того, что действия исполнителя и подстрекателя практически всегда представляют более высокую общественную опасность, чем действия пособника [22, с. 23]. По мнению Ф.Г. Бурчака, «по своей объективной роли в преступлении, совершаемом сообща двумя или большим количеством лиц, пособник, за редким исключением, всегда менее опасная фигура, чем другие соучастники. В самом деле, инициатива совершения преступления принадлежит не ему, он не руководит преступной деятельностью других лиц, не выполняет объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьями Особенной части. Пособник лишь содействует исполнителю преступления в осуществлении его преступного намерения, не выполняя при этом действий, входящих в объективную сторону состава преступления исполнителя». П.Ф. Тельнов также считал, что «по общему правилу, пособнику принадлежит второстепенная роль в совместном преступлении. Действия его носят вспомогательный характер, менее активны, нежели деяния других соучастников, и воплощают замысел другого лица» [2, с. 169].

В некоторых странах снисходительное отношение к пособнику проявляется в том, что его добровольным отказом от совершения преступления признается простое непредоставление обещанной исполнителю помощи (например, ч. 4 ст. 15 УК Республики Беларусь, ч. 9 ст. 20 УК Латвийской Республики, ч. 2 т. 27 Республики Казахстан, ч. 2 ст. 31 УК Украины). В уголовных законах ряда стран предусмотрено обязательное смягчение наказания пособнику по сравнению с наказанием исполнителю. Так, Уголовное уложение ФРГ, предписывая назначать пособнику наказание в рамках санкций, установленных для исполнителя, обязывает суд (абз. 2 § 27) смягчить его в пределах, обозначенных в абз. 1 § 49. На основании ст. 86 Уголовного кодекса Таиланда наказание пособнику преступления назначается в размере 2/3 от наказания, предусмотренного для исполнителя и подстрекателя. Обязательное смягчение наказания пособнику предусматривают также ч. 2 ст. 27 УК КНР, ч. 2 ст. 32 УК Республики Корея. Факультативное (по усмотрению суда) смягчение наказания пособнику допускают, например, УК Дании (§ 23), УК Республики Польша (§ 2 ст. 19).

Уголовный кодекс Российской Федерации прямо закрепил более терпимое отношение законодателя к роли пособника по сравнению с другими соучастниками преступления. Организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если они своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до

конца, пособник же не подлежит уголовной ответственности при том достаточном условии, что он принял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления (ч. 4 ст. 31), даже если ему этого сделать и не удалось.

Правила назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, обязывают суд при назначении наказания учитывать «характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение его участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда» (ст. 67 УК РФ). Это требование полностью согласуется с идеей более снисходительного отношения к роли пособника, поскольку значение его действий и их влияние на характер и размер причиненного или возможного ущерба не могут превалировать над ролью и влиянием действий других соучастников.

Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ в УК РФ включена норма, принципиально меняющая отношение законодателя к роли пособника: ст. 205.1 устанавливает ответственность за пособничество совершению преступления, предусмотренного статьей 205 УК (террористический акт). В этой связи возникает несколько вопросов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, более чем сомнительна социальная и юридическая обусловленность придания действиям пособника (как одного из соучастников) значения самостоятельного состава преступления. При наличии нормы, закрепленной в ч. 3 ст. 205.1 УК, соучастие в террористическом акте и других преступлениях террористического характера, перечисленных в ч. 1 ст. 205.1 УК, будет возможным только в форме соисполнительства, действий организатора и подстрекателя, но не пособника, что внесет сумбур в институт соучастия.

Во-вторых, новая норма порождает неизбежную конкуренцию с частью 1 ст. 205.1 УК, в которой предусмотрены такие разновидности пособничества совершению преступлений террористического характера, как вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений террористического характера (в том числе и террористического акта) либо финансирование терроризма.

В-третьих, совершенно непонятно, в чем состоит повышенная опасность пособничества, подпадающего под действие ч. 3 ст. 205.1 УК (с наказанием от 10 до 20 лет лишения свободы), по сравнению с формами пособничества, указанными в ч. 1 ст. 205.1 УК, влекущими по закону наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет.

В-четвертых, невозможно объяснить, по каким соображениям законодатель установил более строгое наказание для пособника (от 8 до 20 лет лишения свободы), если исполнитель того же преступления (террористического акта) подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет.

В отечественном уголовном законодательстве уже есть опыт признания пособничества самостоятельными составами преступлений.

Так, ст. 61 УК РСФСР 1922 г. приравнивала содействие организации, преследующей цели, указанные в ст. 57 УК, к участию в контрреволюционной организации и устанавливала для него такое же наказание. В соответствии со ст. 68 того же Кодекса пособничество контрреволюционным преступлениям (как и их укрывательство), не связанное с непосредственным их совершением, рассматривалось как самостоятельное

преступление и наказывалось лишением свободы не ниже одного года. Согласно ч. 2 ст. 76 УК пособничество бандам и их укрывательство каралось наравне с организацией банд и участием в них, но закон предусматривал возможность понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже двух лет.

Статья 5812 УК РСФСР 1926 г. за пособничество контрреволюционным преступлениям (как и за их укрывательство) устанавливала наказание не ниже одного года лишения свободы. В ст. 592 того же УК устанавливалось дифференцированное наказание для: а) организаторов, руководителей и подстрекателей массовых беспорядков; б) прочих их вооруженных участников; в) невооруженных участников; г) лиц, не принимавших непосредственного участия в массовых беспорядках, но содействовавших их участникам. В соответствии с ч. 2 ст. 594 УК пособничество бандам и их укрывательство наказывались так же, как организация банд и участие в них, но с возможностью понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже двух лет. Но ни в одном из описанных случаев наказание пособника не было более строгим, иных соучастников.

Включение в УК РФ статьи 2051 нанесло первый удар по принципу более снисходительного отношения к пособнику, чем к иным соучастникам преступления. Вторым ударом по этому принципу стало дополнение УК РФ статьей 2911. Состав посредничества во взяточничестве еще в 1962 г. был включен в Уголовный кодекс РСФСР (ст. 1741), но в УК РФ ему не нашлось места, поэтому посредничество во взяточничестве стало квалифицироваться как соучастие либо в получении, либо в даче взятки. Однако после 15 лет такой практики было решено возвратиться к почти забытому составу посредничества во взяточничестве. Это, разумеется, право законодателя. Но легальное решение должно быть корректным, а этого в составе посредничества во взяточничестве мы не наблюдаем, поскольку включение статьи 2911 в УК РФ было осуществлено с нарушением требования системности уголовного закона.

Во-первых, криминализовав посредничество во взяточничестве, законодатель не сделал того же применительно к такому коррупционному преступлению, как коммерческий подкуп (он нередко именуется коммерческой взяткой).

Во-вторых, при значительном размере взятки посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 2911 УК РФ) почему-то наказывается строже (до 5 лет лишения свободы), чем собственно дача взятки (ч. 2 ст. 291 УК РФ – до 3 лет).

В-третьих, при крупном размере взятки посредничество во взяточничестве (как и получение взятки) наказывается лишением свободы на срок от 7 до 12 лет (п. «б» ч. 3 ст. 2911 УК РФ), тогда как дача взятки – лишением свободы на срок от 5 до 10 лет (п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ).

В-четвертых, криминализация обещания или предложения посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 2911 УК РФ) весьма критично воспринимается уголовно-правовой наукой, поскольку это деяние является, по сути, обнаружением умысла, которое, как известно, уголовно не наказуемо [5, с. 34-38; 6, с. 101].

В-пятых, обещание или предложение посредничества во взяточничестве (независимо от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков) наказывается лишением свободы на срок до 7 лет, тогда как реальное посредничество при отсутствии квалифицирующих

признаков вообще не наказуемо, а при значительном размере взятки наказывается лишением свободы максимум на 5 лет. Такая «дифференциация» наказания указывает на то, законодатель совершенно запутался в оценке степени опасности посредничества во взяточничестве, как и его обещания или предложения, по сравнению с опасностью дачи или получения взятки [9, с. 104-106; 16, с. 116] и не может дать четкий ориентир правоприменительным органам.

Подводя итог краткому обзору отечественного законодательства о наказуемости пособничества преступлению, можно сделать следующие обобщения.

1. По общему правилу, в отечественных уголовных законах за организацию групповых преступлений, руководство их совершением или участие в них устанавливалось более строгое наказание, чем за пособничество таким преступлениям.

2. В порядке исключения закон для лиц, не принимавших непосредственного участия в подобных преступлениях, но способствовавших их совершению, предусматривал такое же наказание, как для организаторов, руководителей и подстрекателей, но с возможностью существенного снижения размеров наказания.

3. В отдельных случаях пособничество совершению преступления выделялось в самостоятельную уголовно-правовую норму, санкция которой предусматривала более мягкое или такое же наказание, чем было установлено для организатора или исполнителя.

4. Отечественный законодательный опыт не знает примеров установления более строгого наказания за пособничество совершению преступления, чем за его организацию, руководство им или непосредственное участие в нем.

Таким образом, включение в ст. 2051 УК РФ части третьей с установлением за пособничество совершению преступлений террористического характера более строгого наказания, чем за непосредственное исполнение теракта, а также дополнение ст. 2911 УК РФ частью пятой, предусматривающей более строгое наказание для посредника, чем для взяткодателя, следует рассматривать как законотворческие ошибки, которые подрывают основные положения института соучастия, противоречат прежней уголовно-правовой позиции российского законодателя и порождают ряд неразрешимых теоретических проблем и сложностей в правоприменительной практике.

Можно привести в пример еще одно непродуманное вмешательство законодателя в сферу уголовного права, которое искажает привычные представления об уголовно-правовом понятии неоконченного преступления и степени его общественной опасности. Речь идет о дополнении Уголовного кодекса РФ статьями 2053 и 2054, введенными законом 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ. И прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 2053 УК), и организация террористического сообщества (ст. 2054 УК) по своей сути являются подготовлением к совершению террористического акта и других перечисленных в этих статьях преступлений.

Многие ученые либо отрицательно относились к наказуемости подготовительных действий [18, с. 145; 20, с. 31; 8, с. 86], либо допускали возможности ответственности только за приготовление к тяжкому преступлению [14, с. 13; 11, с. 97]. И международное уголовное право, и уголовное законодательство многих зарубежных стран исходят из ограниченной ответственности за неоконченное преступление, т.е.

устанавливают уголовную ответственность за неоконченное преступление только в случаях, специально предусмотренных нормой о данном преступлении («покушение наказуемо», «покушение и приготовление наказуемы»).

Конечно, законодатель вправе формулировать составы преступлений таким образом, чтобы момент окончания перенести на более раннюю стадию. И таких («усеченных») составов немало (например, создание банды либо иных организованных групп либо преступных сообществ, разбой, пиратство, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой и др.). Но важно то, что санкции статей 2053 и 2054 УК вступают в противоречие со статьей 66 УК, закрепившей правило обязательного смягчения наказания за неоконченное преступление. Наказание за приготовление не может равняться наказанию за оконченное преступление, а тем более превышать его по строгости. Так, создание банды (ч. 1 ст. 209 УК) или преступного сообщества (ч. 1 ст. 208 УК), планирование или подготовка агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК), являющиеся особыми формами приготовления, не наказываются строже, чем оконченное преступление. Это правило законодателем обычно соблюдалось. Например, закон от 5 мая 2014 г. дополнил ст. 212 УК частью 4 о прохождении лицом обучения в целях организации массовых беспорядков или участия в них и установил за это наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет. Это выглядит естественно, поскольку наказанием за фактическую организацию массовых беспорядков (после его ужесточения законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ) является лишение свободы на срок от 8 до 15 лет. На этом фоне представляется совершенно нелогичным наказание за приготовление к совершению преступлений террористического характера в форме обучения в центрах террористической подготовки (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы или пожизненно – ст. 2053 УК), либо в форме организации террористического сообщества (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет со штрафом и ограничением свободы или пожизненно – ст. 2054 УК), тогда как фактическое совершение перечисленных в указанных статьях преступлений влечет гораздо более мягкие наказания. А что касается пожизненного лишения свободы, то оно предусмотрено лишь некоторыми из этих статей и только при особо отягчающих обстоятельствах. Установление наказания в виде пожизненного лишения свободы за приготовление к совершению преступлений, фактическое осуществление которых такого наказания не предусматривает, является недопустимым, поскольку противоречит правилу об обязательном смягчении наказания за неоконченное преступление. В этом случае законодатель явно отступил от своих прежних правовых позиций.

Отступления российского законодателя от своих же правовых позиций наблюдаются не только в Общей, но и в Особенной части Уголовного кодекса РФ. Так, принципиальной линией законодателя является создание специальных составов преступлений в тех случаях, когда в процессе правоприменения выявился пробел либо когда возникла необходимость в усилении уголовно-правовой защиты определенного объекта.

Например, выявленные в процессе применения нормы УК РФ о незаконном предпринимательстве пробелы были восполнены принятием специальных норм – ст. 1711 и 1712 УК, применение ст. 212 УК РФ о массо-

вых беспорядках выявило ряд пробелов, которые восполнила ст. 2121 УК РФ (этот ряд примеров может быть продолжен).

Принятием специальных норм восполняются пробелы не только в российском законодательстве. В Уголовном Уложении ФРГ помимо дачи и получении взятки в публичной сфере (§331-335) предусматривается ответственность за дачу и получение взятки в деловом обороте (§299 – аналог ст. 204 УК РФ). Однако в процессе правоприменения выявился законодательный пробел: вне поля зрения законодателя оказались представители медицинской профессии, которых к ее осуществлению подготовило государство, но которые, не являясь ни должностными лицами, ни предпринимателями, получают незаконное вознаграждение за назначение или отпуск лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов либо за направление пациентов или препаратов для медицинского исследования. Для восполнения отмеченного законодательного пробела Бундестаг ФРГ принял закон о дополнении Уголовного Уложения параграфами 299a (Получение взятки в сфере здравоохранения) и 299b (Дача взятки в сфере здравоохранения).

Специальными нормами не только восполняются законодательные пробелы, но и усиливается правовая защита особо важных объектов. Так, в целях усиления уголовно-правовой охраны жизни и здоровья работников милиции при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка в УК РСФСР после статьи 191 («Сопrotивление представителя власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка») был дополнен статьями 1911 («Сопrotивление работнику милиции или народному дружиннику») и статьей 1912 («Посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника»). Введенное этими нормами понятие «посягательство на жизнь» означало не только убийство, но и покушение на него. В этом же значении термин «посягательство на жизнь» используется и в специальных составах убийства в статьях 277, 295 и 317 УК Российской Федерации, обеспечивая усиленную защиту жизни и здоровья государственных и общественных деятелей, лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, а также сотрудников правоохранительных органов при выполнении ими своих обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Однако конструирование специальных составов преступлений допустимо лишь при их действительной необходимости, а не в угоду конъюнктурным сиюминутным соображениям. Между тем, такие примеры имеются и свидетельствуют о нестабильности правовых позиций законодателя. Наиболее уместно в данном контексте упоминание о специальных составах мошенничества, введенных в УК РФ законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ. В пояснительной записке к законопроекту, воплотившемуся затем в статьях 1591-1596 УК, говорилось:

«С развитием в стране экономических отношений, модернизацией банковского сектора, развитием отрасли страхования, инвестиционной деятельности, информационных и промышленных технологий и предоставлением новых видов услуг неизбежно появляются новые схемы, способы хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество. Совершение таких преступлений в современных

условиях требуют со стороны государства адекватных уголовно-правовых мер воздействия, в то время как закрепленный в Уголовном кодексе Российской Федерации состав мошенничества не в полной мере учитывает особенности тех или иных экономических отношений, а также не позволяет обеспечить на должном уровне защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий».

Используя неудачное название раздела VIII УК, законодатель «забыл», что главой XXI охраняются отношения собственности, и способу посягательства на эти отношения предпочел совершенно не правовую категорию «сферы», в которой собственность должна охраняться. Таким образом, интересы собственника отошли на второй план.

Утверждение авторов пояснительной записки к законопроекту напрасно огорчались тем, что «состав мошенничества не в полной мере учитывает особенности тех или иных экономических отношений». Он потому и есть состав преступления, что определяет все необходимые юридически значимые признаки мошенничества, оставляя вне уголовно-правовой квалификации все прочие обстоятельства, которые будут учтены впоследствии судом при назначении наказания. Исследуя новые нормы о мошенничестве и практику их применения, отечественные ученые единодушно высказывают негативную их оценку [12, с. 134-136; 17, с. 17-20; 15, с. 340-343; 1, с. 344-346; 7, с. 346-350; 21, с. 350-353; 22, с. 109-111; 24, с. 322-325; 10, с. 195-200]. Действительно, либо обман (активный или пассивный), либо злоупотребление доверием (которые многие считают разновидностью обмана) являются тем способом, которым виновный завладевает чужим имуществом либо приобретает право на чужое имущество, и который определяет юридическую сущность мошенничества. А сфера деятельности потерпевшего и виновного, как и средства, используемые мошенником для введения потерпевшего в заблуждение, не относятся к обязательным признакам мошенничества. Они могут учитываться при индивидуализации наказания, но на квалификацию влиять не должны.

Не добились авторы пояснительной записки к законопроекту и поставленной ими задачи «обеспечить на должном уровне защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий». Скорее, был достигнут прямо противоположный результат – существенно уменьшен карательный потенциал норм о мошенничестве, «специальные нормы об ответственности за данное преступление нацелены исключительно на либерализацию уголовного закона и предусматривают более мягкие санкции, нежели ст. 159 УК» [22, с. 110].

Специальные нормы о мошенничестве оказались некачественными не только в содержательном, но и в техническом плане (несовпадение перечня квалифицирующих признаков и их количественных характеристик; невыполнимость требования части 2 статьи 531 УК о порядке назначения наказания в виде принудительных работ и др.). Не случайно одна из этих норм (ч. 3 ст. 1594 УК) признана неконституционной. Разделение мошенничества на отдельные виды в зависимости от сферы его совершения свидетельствует о непрочности правовой позиции законодателя в оценке этого преступления. Поэтому представляется вполне обоснованным мнение, что «искусственное выделение специальных норм о мошенничестве можно и нужно аннулировать, исключив статьи с ними из УК РФ. Ста-

ты 159 УК РФ хватит на все виды такой преступной деятельности» [13, с. 113].

Приведенные примеры (их можно было бы продолжить) свидетельствуют о том, что российский законодатель иногда позволяет себе отступать от своих же уголовно-правовых позиций, что не может не влечь негативных последствий для практики.

Список литературы:

1. Алтуниев Т.В. Некоторые аспекты квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – М., 2015.
2. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Т. 1. Часть Общая. СПб., 1865.
3. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969.
4. Витвицкая С.С. Левченко П.И. О некоторых проблемах уголовно-правовой политики противодействия коррупционной преступности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2016.
5. Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. 2014. № 5.
6. Гладких В. И. О некоторых проблемах уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2016.
7. Голикова А.В., Лапуниев М.М. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: новая статья – новые проблемы толкования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – М., 2015.
8. Гринь М.В. Неоконченное преступление. Дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.
9. Грошев А.В. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства Российской Федерации (критический анализ) // Современные проблемы уголовной политики. Т. 2. Краснодар, 2011.
10. Грошев А.В. Дифференциация ответственности за мошенничество и ее влияние на эффективность уголовного законодательства // Современные проблемы уголовной политики. – Том 1. Краснодар, 2013.
11. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955.
12. Епихин Ф.Ю. Уголовно-правовые аспекты дополнения уголовного закона специальными видами мошенничества // Современное право. 2013. № 10.
13. Иногамова-Хегай Л.В. Тревожные изменения уголовного закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 7.
14. Лякуб П. О покушении на преступление по началам теории и современным законодательствам. – СПб., 1866.
15. Ляско А.Н. К вопросу о «сфере кредитования» по смыслу статьи 1591 УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2015.
16. Савенко И.А. Изменения в законодательстве по преступлениям коррупционной направленности // Современные проблемы уголовной политики. Т. 2. Краснодар, 2011.
17. Семенчук В.В., Швецов А.В. Проблемы квалификации мошенничества в кредитной сфере в свете последних изменений в уголовном законодательстве // Юридический мир. 2013. № 6.
18. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1 – СПб., 1878.
19. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974.

20. Трайнин А.Н. Уголовная ответственность за приготавливаемые к преступлению действия // Социалистическая законность. 1953. № 12.

21. Третьяк М.И. Некоторые вопросы отграничения компьютерного мошенничества от смежных преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – М., 2015.

22. Трефилов А.А. Нарушение баланса между общими и специальными нормами в российском уголовном праве // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2016.

23. Шаргородский М.Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. М., 1945.

24. Южин А.А. К вопросу об уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – М., 2016.